

ГЛАВА 1

В одиннадцать вечера, как и договаривались, незнакомец занял позицию под уличным фонарем.

Найти его было легко — фонарь стоял как раз там, где незнакомцу было сказано. На приграничной территории это был единственный фонарь футах в шести от неровной металлической изгороди, разделяющей Соединенные Штаты и Мексику, который все еще работал.

Незнакомец был один. И не вооружен.

Как и было условлено.

Автомобиль появился в 23:02. Он проехал в центр пространства между двумя параллельными рядами гаражей. Они тоже были сделаны из металла. От палящего солнца крыши их покоробились. Стенки дочиста выскоблены ветром и песком. Пять гаражей с правой стороны. И четыре — с левой. Здесь же, в десяти футах, валялись обломки еще одного, дырявые и изъеденные ржавчиной, — похоже было на то, что когда-то, много лет назад, внутри его что-то взорвалось.

Фары автомобиля светили так ярко, что определить его марку было довольно трудно. А разглядеть, кто сидит внутри, вообще невозможно. Он проехал еще немного вперед и остановился в пятнадцати футах,

окутанный облаком песчаной пыли, слегка покачиваясь на изношенных рессорах.

Передние дверцы открылись. Обе. Из машины вышли двое мужчин.

Не так, как договаривались.

Открылись и обе задние дверцы. Оттуда вышли еще двое.

А так уж точно не договаривались.

Все четверо смерили незнакомца взглядом. Им сообщили заранее, что человек, который будет их ждать, мужчина довольно крупный. Этот под описание вполне подходил. Шесть футов пять дюймов ростом. Двести пятьдесят фунтов весом, не меньше. Грудь с оружейный шкаф, ручки как ковш экскаватора. Обросший и нечесаный. Голова давно не мыта, волосы грязные. На лице многодневная щетина. Одежда грошовая и висит на нем как на вешалке, чего, правда, нельзя сказать про обувь. Словом, нечто среднее между бродягой и неандертальцем. Мимо такого просто так не пройдешь — сразу в глаза бросается.

Водила сделал шаг вперед. Он был на пару дюймов ниже незнакомца и фунтов на пятьдесят с гаком полегче. Одет в черные джинсы и черную футболку без рукавов. На ногах военного образца ботинки, тоже черные. Голова гладко выбрита, а лицо полностью скрыто густой бородой. Остальные последовали его примеру и выстроились с ним в один ряд.

— Деньги, — сказал водила.

Незнакомец похлопал по заднему карману джинсов.

— Отлично, — сказал водила и кивнул в сторону машины. — Заднее сиденье. Залезай.

— Зачем это?

— Отвезу тебя к Майклу.

— Мы так не договаривались.

— Именно так.

— Договор был о том, — покачал головой незнакомец, — что ты мне расскажешь, где находится Майкл.

— Расскажу. Или покажу. Какая разница?

Незнакомец промолчал.

— Ну, давай-давай. Чего ждешь? Гони денежки и садись в машину.

— Уговор дороже денег. Хочешь денег — скажи, где Майкл.

— Условия изменились, — пожал плечами водила. — Не нравится — нам плевать.

— Да, не нравится.

— Ты меня достал! — Водила завел руку за спину и выхватил из-за пояса пистолет. — Быстро в машину.

— Выходит, ты и не собирался отвезить меня к Майклу?

— Неужели?

— Ты хотел отвезти меня к кому-то другому. К тому, у кого ко мне есть вопросы. Так?

— Хватит болтать. Залезай.

— А это значит, стрелять ты в меня не станешь.

— Это значит, убивать не стану. Пока. А ногу прострелить — раз плюнуть.

— Правда? — поинтересовался незнакомец.

Дальнейшее развитие событий сторонний наблюдатель описал бы так: через неуловимую долю секунды незнакомец непостижимым образом оказался стоящим к четверым почти вплотную. Схватив водилу за запястье, он вздернул его руку вверх — так рыболов делает подсечку, когда у него клюнуло. Рука водилы задралась гораздо выше его головы. Настолько высоко, что тот вынужден был даже встать на цыпочки. А левый кулак незнакомец немедленно вонзил в него сбоку. Причем сильно. Так сильно, что от такого удара обычный человек валится с ног. И больше уже не встает. Только вот водила не упал. Не смог. Оставался как бы в подвешенном за руку состоянии. Ноги его заскользили назад. Пистолет выпал из руки. Плечевой сустав вывихнулся. Сухожилия растянулись. Ребра переломались. Словом, одно за другим на него обрушилась целая лавина чудовищных повреждений. И каждое само по себе было чудовищным. Но в тот момент бедняга вряд ли заметил хоть одно из них. Поскольку вся верхняя часть его тела содрогалась от страшной боли. Молнии этой жгучей боли пронизывали его насквозь, и все били из одного места. А именно из области подмышки, где у человека прямо под кожей уютно расположился плотный клубок нервов и лимфатических узлов. Тот самый, в который только что вонзился жесткий кулак.

Незнакомец подобрал пистолет водилы, а самого его подтащил и уложил на покрытый тусклым лаком капот машины. Задыхаясь, бедняга лишь повизгивал и корчился на нем. А незнакомец повернулся к остальным троице.

— Советую вам, ребята, по-быстрому сваливать отсюда. Чем быстрее, тем лучше. Пока у вас еще есть такой шанс.

Стоящий в центре этой троицы сделал шаг вперед. Он был примерно одного роста с водилой. Разве что чуть пошире. Волосы коротко острижены. Лицо выбрито. На шее толстая серебряная цепь. А на морде мерзкая ухмылочка.

— Разок тебе повезло, — прохрипел он. — Но только разок. Залезай-ка в машину, а то я сделаю тебе больно.

— Серьезно? — снова поинтересовался незнакомец. — Опять?

А сам не двинулся с места. Он заметил, как все трое незаметно переглянулись. И сразу прикинул: если не дураки, то попытаются применить прием тактического отхода. Или же, если достаточно опытные, бросятся на него все разом. Но сначала один из них должен обойти его сзади. Сделает вид, что хочет посмотреть, что там с раненым. Или — что испугался и хочет спрятаться в машине. Или даже удрать вообще. А потом, когда он будет уже на позиции, они атакуют втроем. Одновременно с трех направлений. Один при этом наверняка пострадает. Возможно, двое. Но вот у третьего может появиться шанс. Если подвернется удобный случай. И он сумеет им воспользоваться.

Но они оказались дураками. И опыта, судя по всему, никакого. О тактическом отходе, видно, не слышали. И зайти со спины никто даже не попытался. Какое там... Тот, что стоял по центру, сделал еще шаг

вперед, причем в одиночку. Изобразил идиотскую, якобы бойцовскую стойку. Издал не менее идиотский вопль. Сделал вид, будто наносит удар кулаком в лицо. А другой кулак выбросил в солнечное сплетение. Тыльной стороной руки незнакомец отбил этот удар, а правым кулаком с торчащей средней костяшкой ткнул противника в бицепс. Тот взвизгнул и отскочил назад — подмышечный нерв его был парализован, и рука временно вышла из строя.

— Еще раз советую... поскорее убирайтесь отсюда, — сказал незнакомец. — Не то зашибу.

Давешний противник снова ринулся вперед. На этот раз маскировать свои действия он и не пытался. Весь вложил в страшный, размашистый удар здоровой рукой. Незнакомый откинулся назад. Кулак нападающего пролетел мимо. Незнакомец проводил его взглядом, потом вонзил костяшку кулака ему прямо в трицепс. Теперь в неисправном состоянии оказалась и вторая рука противника.

— Топай отсюда, — повторил свое предложение незнакомец. — Пока способен ходить.

Но бедолага все не унимался. Выпад. Правая нога его взвилась вверх. Сначала бедро, за ним и стопа с коленом. С максимальной мощностью. Целясь незнакомцу между ног. Но до цели стопа так и не долетела. А все потому, что незнакомец тут же ответил ударом ногой. Очень коварным ударом. Точным и проходящим по низкой траектории. И попал противнику прямехонько в голень. И на максимальной скорости. Нашла коса на камень. Кость на носок ботинка незнакомца. А ботинки у него, как было заме-

чено, крепкие. Их он купил много лет назад в Лондоне. С многослойной кожаной подошвой, на хорошем, крепком клею. Проверенные временем. Затвердевшие в результате воздействия дурной погоды. Прочные, как сталь.

Щиколотка противника затрещала. Он завопил, точно резаный, отпрянул назад. Потерял равновесие и обрести его снова не смог — руки-то не работали. Стопа его коснулась земли. Концы раздробленной кости со скрипом соединились. Ногу пронзила адская боль. Казалось, каждый нерв в ней раскалился добела. Такого выдержать его организм уже не смог. Еще полсекунды он пребывал в вертикальном положении, хотя сознание уже успел потерять. Потом опрокинулся на спину и остался лежать неподвижно, как поваленное дерево.

Двое других тут же показали незнакомцу тыл и рванули к машине. Но передние дверцы они миновали. И мимо задних тоже проскочили. Добежали до багажника. Крышка багажника откинулась вверх. Один из бегунов нырнул в него и пропал из виду. Тот, что поменьше ростом. Потом появился снова. И теперь в каждой руке он держал по предмету. Что-то похожее на бейсбольные биты, но длиннее. И утолщения на концах не круглые, а квадратные, с ровными ребрами. Рукоятки кирки. Или топорича колуна. В умелых руках оружие очень эффективное. Одну дубинку он передал тому, что повыше ростом, потом парочка вернулась обратно и остановилась от незнакомца футах в четырех.

— Ну что, переломать тебе ноги? — спросил тот, что повыше, и облизнул губы. — На вопросы отве-

чать ты сумеешь. А вот ходить уже вряд ли. Разве что с палочкой. Так что хватит тут трахать нам мозги. Давай в машину. И поехали.

Еще раз предупреждать их незнакомец не стал. И без того с самого начала был с ними вполне откровенен. Сами виноваты, раз уж решили лезть на рожон.

Тот, что пониже, размахнулся было, но остановился. Тогда его примеру последовал тот, что повыше. Но размахнулся уже по-настоящему. И вложил в размах весь свой вес. Хотя такой прием — гиблое дело. Так обращаться с подобным оружием — серьезная промашка. Шаг назад — и тяжелая деревянная дубина просвистела у незнакомца мимо живота. И инерция неумолимо заставила ее продолжить движение по дуговой траектории. Дубина была слишком велика, чтобы боец смог остановить ее полет. Обе руки его словно прилипли к рукоятке. Следовательно, голова оставалась незащищенной. А также торс. И колени тоже. Целый набор соблазнительных, совершенно незащищенных целей, бей — не хочу. В любой другой день незнакомец так бы и сделал. Но в данном случае времени оказалось маловато. Так что высокий сумел выпутаться. Его выручил верный товарищ. Перехватив топориче, как копьё, он ткнул им незнакомцу в живот. В первый раз — не входя в контакт, стараясь лишь привлечь к себе внимание незнакомца. Потом ткнул во второй раз, надеясь оттеснить его назад. Затем бросился вперед. Это был кульминационный момент. Или стал бы таковым, не замешкайся чуть-чуть этот тип со своей дубинкой.

И не упрись ногами в землю слишком твердо. Так что, когда он выбросил вперед свое так называемое копьё, незнакомец уже просчитал все заранее. Он сдвинулся в сторону. Схватился за топориче как раз посередине. И рванул на себя. Сильно рванул. Атакующий на ярд протасился вперед и только потом понял, что происходит. И выпустил топориче из рук. Но было уже поздно. Судьба его была предreshена. Незнакомец взмахнул трофеем и резко, словно в руках у него был настоящий топор, а перед ним стояла чурка, опустил орудие на голову противника. Тот закатил глаза. Колени подкосились, он сразу весь обмяк и бездыханной тушей свалился к ногам незнакомца. Теперь он встанет очень не скоро. Тут и к гадалке не ходи.

Тот, что повыше ростом, бросил быстрый взгляд вниз. Увидел на земле бесформенные очертания товарища. И взмахнул своим топоричем. Целясь неизвестному в голову. На этот раз удар он наносил гораздо резче. Явно хотел отомстить за друга. А также остаться в живых. И промазал. Опять. А сам подставился. Тоже опять. Но на этот раз спасло его нечто другое. А именно тот факт, что он оставался последним из своего небольшого отряда, кто еще мог держаться на ногах. Другими словами, единственно доступным источником информации. Теперь он являл собой стратегическую ценность. Что предоставило ему шанс еще раз взмахнуть своей булавой. Он так и сделал, а незнакомец тут же парировал. Но этот упрямец продолжал наступать, размахивая топоричем направо и налево, направо и налево, как лесоруб, у которого крыша поехала. Ему удалось на полной

скорости сделать еще с десяток таких движений, однако дальше рубить он не смог — выдохся.

— Да ну его на хрен! — сказал он, бросил топориче и, сунув руку за спину, выхватил пистолет. — Плевать мне на все, что ты должен там рассказать. Сдохни, скотина.

Он сделал два шага назад. А ведь следовало бы сделать три. Увы, не взял в расчет длину рук незнакомца.

— Давай-ка не будем с тобой торопиться, — сказал незнакомец.

Легким, неуловимым движением он взмахнул своим топоричем, и пистолет отлетел в сторону. Потом шагнул к противнику и схватил его за шкирку.

— Может, мы с тобой еще и прокатимся, — продолжил он. — Так вышло, что у меня самого появились к тебе вопросы. И ты сможешь...

— Стой! — раздался вдруг женский голос.

Голос уверенный. Властный. Он прилетел из тени, которую отбрасывал правый ряд гаражей. Словом, на сцену явился новый персонаж. А ведь незнакомец прибыл на место в восемь часов вечера, то есть на три часа раньше назначенного, и прошерстил каждый дюйм территории. И был уверен, что здесь нет больше ни единой живой души.

— Отпусти его.

От мрака густых теней отделился человеческий силуэт. Женский. Ростом примерно пять футов десять дюймов. Худоцава, стройна. Слегка прихрамывает. Обе руки держит перед собой, видны неясные очертания зажатого в пальцах, тускло поблескивающего пистолета.

— Отойди в сторону.

Незнакомец и не подумал. Пленника продолжал держать все так же крепко.

Женщина медлила. Пленник находился между ней и незнакомцем. Позиция, конечно, не идеальная. Но пленник на шесть дюймов ниже. И стоит слегка в стороне. Значит, все-таки можно стрелять прицельно. Скажем, незнакомцу в грудь. Прямо в выступающий прямоугольник. Размерами где-то шесть дюймов на десять. А что, довольно приличный по площади, прикинула она. И расположен более или менее удачно. Она сделала вдох. Медленно выдохнула. И нажала на спусковой крючок.

Незнакомца отбросило назад. Он упал на землю, широко раскинув руки, одно колено приподнято, голова повернута лицом в сторону пограничной ограды. Не шевелится. Совсем. Рубаха рваная, в дырках. Грудь покрыта липкой, отсвечивающей красной жидкостью. Но фонтана крови не видно. И никаких признаков сердцебиения.

Никаких признаков жизни вообще.

Эту прилизанную, опрятную территорию сейчас все называют словом «Плаза»¹, а когда-то здесь простирался обширный и густой лес. В основном американский черный орех. Деревья безмятежно росли здесь веками. Но вот в семидесятых годах девятнадцатого столетия одному купцу на пути в Калифорнию и обратно пришлось в голову устроить в этом месте привал и в тени деревьев дать отдых своим

¹ «Плаза» — придорожный сервисный комплекс.

уоставшим мулам. Местечко так ему приглянулось, что он в конце концов построил себе здесь хижину. А когда совсем состарился и не смог больше трястись по стране на мулах, он продал своих животных и остался здесь навсегда.

Его примеру последовали и другие. Хижина обросла домами и превратилась в деревню. Деревня выросла в небольшой городок. Городок раскололся на две половины — так делится живая клетка, когда начинает активно размножаться. Обе половины стали быстро расти. Одна распространялась в южную сторону. Другая — в сторону севера. Постоянный рост продолжался много лет. Потом наступил застой. За ним и упадок. Медленный, непрерывный и зловещий. Пока в конце тридцатых годов двадцатого века не произошел неожиданный и благодатный толчок. Сюда вдруг нагрянула целая армия инспекторов, землемеров и геодезистов. За ними подтянулись рабочие. Строители. Инженеры. Даже кое-какие художники и скульпторы. Всех их в эти места прислала организация под названием WPA¹.

Ни один человек из местных понятия не имел, почему были выбраны эти две половинки одного городишки. Кто говорил, что по ошибке. Мол, какой-то чиновник-бюрократ неправильно прочитал запись в папке и направил ресурсы не туда, куда было положено. Другие предполагали, что в Вашингтоне какая-то шишка что-то задолжала местному градоначаль-

¹ WPA (Works Progress Administration) — Управление общественных работ, федеральное независимое агентство, созданное в 1935 году по инициативе Ф. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных.

нику. Но какой бы причина ни была, против перемен никто не возражал. Да и кто будет возражать, если в этих местах стали прокладываться новые дороги. Строиться новые мосты. И возводиться новые, самые разные постройки. Работы по осуществлению проекта длились много лет. И оставили после себя, можно сказать, неизгладимый отпечаток. Арочные строения из необожженного кирпича, характерные для обоих городов, смотрелись теперь более правильными. Здания приобрели единообразный вид. Планировка улиц выглядела строже. Стали чаще появляться блага щедрой современной цивилизации. Строились школы. Возникали муниципальные учреждения. Службы пожарной охраны. Полицейские участки. Появилось здание суда. Музей. А также медицинский центр.

Но через несколько десятилетий деньги у правительства иссякли и численность населения снова стала сокращаться. Некоторые объекты отжили свой век и обветшали. Другие были по дешевке распроданы. Третьи снесены. Но вот медицинский центр продолжал оставаться основным учреждением здравоохранения на много миль в округе. В него входил медицинский кабинет. Аптека. Больница на пару десятков коек. Педиатрическое отделение с помещениями для родителей, которые могли бы жить здесь вместе со своими больными детишками. И даже морг, да благословит Господь щедрость тех планирующих органов «Нового курса». Морг, конечно, припрятали подальше, глубоко в подвальном помещении. Где следующим утром должен был работать доктор Улье.

Доктору Улье от роду было семьдесят два года. Он служил этому городу всю жизнь. Когда-то он трудился в дружной команде вместе со своими коллегами. А теперь вот остался единственным в городе врачом. Он нес ответственность за все медицинское обслуживание, начиная с акушерства и кончая лечением простуды и диагностикой рака. А также производил необходимую работу с умершими. Вот почему в тот день он был на службе так рано. Дежурство его началось чуть ли не с полуночи. Ему позвонили и сообщили о стрельбе на окраине города. Такое событие всегда привлекает к себе внимание. Он знал это по собственному опыту. И теперь ждал визита. Который должен состояться совсем скоро. И ему нужно быть к нему готовым.

На его рабочем столе стоял компьютер, но он был выключен. Свои записи доктор предпочитал делать от руки. Так лучше запоминаешь. У него была своя форма ведения записей. Он сам ее для себя придумал. Не идеал, конечно, но работала хорошо. Куда уж лучше всего того, что ему навязывали эти умники из Силиконовой долины. А главное, это касалось данной, в частности, ситуации, не в электронном виде, куда может добраться всякий. Доктор Улье уселся за стол, взял авторучку, подаренную ему еще отцом по окончании медицинского колледжа, и принялся записывать результаты ночной работы.

В дверь без стука вошел человек. Не поздоровался. Хотя бы из вежливости. Просто открылась дверь, и он вошел. Все такой же, как и обычно. Возрастом чуть за сорок, густые вьющиеся волосы, костюм из

коричневой парусины. «Перки»¹ — так доктор Улье про себя называл его за упругую, подпрыгивающую походку. Настоящего имени его он не знал. Да и не очень хотелось.

Перки начал с дальнего конца помещения, где расположены холодильные камеры. «Мясохранилище», как окрестил это место доктор Улье после многих лет работы с его содержимым. Туда вел ряд из пяти стальных дверей. Перки подошел к ним, по очереди внимательно осмотрел каждую ручку, хотя прикасаться не стал. Он никогда этого не делал. Двинулся дальше, к стоящему посередине помещения прозекторскому столу. Осмотрел также ряд стальных тележек, выстроившихся у дальней стенки, возле стерилизационного автоклава. А уж потом подошел к столу.

— Телефон, — сказал он и протянул руку.

Доктор Улье передал ему свой мобильник. Перки проверил его, убедился, что он не записывает, сунул аппарат в карман штанов и повернулся к двери.

— Чисто, — сказал он.

В помещение вошел еще один человек. «Мантис»² — так прозвал его доктор Улье, потому что всякий раз, когда он смотрел на этого человека с его длинными худыми конечностями, угловатым корпусом и глазами навывкате, ему в голову приходил образ именно этого насекомого. На щеке Мантиса остался большой треугольный шрам от ожога, и впечатление дополняла похожая на клешню правая рука с тремя

¹ От *англ.* perk — веселый, бойкий, самоуверенный, наглый, задорный.

² От *англ.* mantis — богомол.